

ее жизни, а, как бы ни звучало странно, — это другой человек, его порывы, страсти, образы и... куклы. Они были во множестве перед ней: летчик, сросшийся с самолетом наподобие кентавра, заплаканная старуха, глядя на которую, Женя сама заливалась слезами, и очень, очень красивые, стройные немцы с голубыми глазами... По мысли Резо, все немцы должны были выглядеть холерными орлами, а наши — походить на воробьев, взъерошенных, негероических, неприкаянных, живых. А самый главный немецкий красавец, почувствовав взгляд той самой заплаканной старухи, обязательно отвел бы глаза...

Этих удивительных кукол потом в спектакле не было, щедрый и беспощадный Габриадзе отсекал сцены, эпизоды, образы. Но только Женя, один-два актера и художники, работавшие с Резо, могли знать или догадываться, из каких глубин личного опыта и переживаний появлялось все это, а потом жило, боролось, побеждало и умирало в Мастерской. Знать или хотя бы догадываться о том, что, кроме них, в театре никого не интересовало.

Административно — неопасный (за все время своего художественного руководства никого не отправил на пенсию, не уволил и ни одного своего человека не привел), то станет отчасти понятно, почему пожилой интеллигентный коллектив воспринял призыв к бузе с удовольствием. И здесь уже появились другие лидеры.

Реакция Габриадзе, который конечно же все прочувствовал, оказалась странной. Он смог послать куда подальше продавцов иномарок с автоплощадки перед театром, которые заявлялись с требованием выплатить дань их «крыше»: «Скажите им, что я сам себе и крыша, и стены, и потолок». А в случае с артистами запаниковал, перешел на валидол и малопонятный окружению грузинский язык. Ничего, к слову, удивительного. Отвечая в одном интервью на вопрос: «Какое состояние для вас обычное?», он так и ответил: «Паника». И был рад каждому артисту, которого Женя удавалось затаскать в мастерскую. «Бежали робкие грузины», — думала Женя.

Написав первую жалобу в министерство, активная часть кукловодов вступила в фазу открытой борьбы. Одна действительно заслуженная, хорошая, интеллигентная пожилая артистка (пианист — «Юное дарование» в «Необыкновенном концерте»), приняв сто граммов на общих посиделках по случаю какого-то праздника и взвзвизывая на стул, вдруг запела: «Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой». И потом хор подхватил «Чижика».

ют, что идея отдать театр в руки Габриадзе — его идея.) «Мемориальный театр. Это значит — мертвый театр?» — спросила Женя у Габриадзе. «Мертвые тоже нужны», — как-то глубокомысленно ответил он.

Она не поняла, но смолчала. То, что она видела в его мастерской, даже не создавалось, не творилось — это рождалось и прорастало. В театре недоумевали: что он там у себя дела-

«Дон-Жуана» даже не распаковали. Кореец-продюсер объявил себя банкротом, домой еле вернулись. Хлынул, по выражению Жени, поток событий — неприятных, непристойных, гадких...

Вернулись и стали требовать суточных. Габриадзе, который панически бежит от денежных дел, собрал труппу и сказал, что оплатит на основании финансовой экспертизы.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Что тут началось! Лица красные, орут: «Сначала расплатитесь с нами — потом требуйте деньги с той стороны!.. Возбуждение нарастало день от дня».

... Резо получил заключение экспертов о том, что деньги должна выплатить — таки сторона корейская... Тогда он сказал актерам, что выплатит через суд (потом он объяснил мне, что это будет для него достаточное юридическое основание для выплаты, иначе где гарантия, что другая часть труппы не обвинит его в разбазаривании средств театра).

Наутро при ходатайстве Мерабова труппе была устроена аудиенция у замминистра культуры Шербакова. Они понесли туда все документы: куда Резо ездил, сколько потратил, что было куплено для него театром, припомнили командировку в Псков (к Пушкину?), машину на аренде...

...Артисты подали в суд. Не подали Катя Бабаева, Большаков. Витя Рябов просил в заявлении отсуженные деньги отдать на памятник Образцову.

Потом я звонила Резо в Питер, у него был день рождения, и он, пьяненький, говорил, что там его все любят... А здесь...

— Мысли сами причудливо посещают нас, — говорит Женя, — и никакой это не волевой акт — творчество.

Она догадывалась, какая внутренняя тишина нужна этому художнику, теперь уже ее другу и учителю. Но что она могла сделать? Рядом были понимающие люди: и артисты, и художники, и мастера. Но как назло... сплошь порядочные люди. Интриговать не получалось. Вызвали как-то педагога по сценической речи, чтобы получить профессиональное заключение, кто из артистов соответствует стандартам по этой части, а кто нет. Та оказалась такой милой и порядочной женщиной, что от экспертной оценки отказалась, не желая навредить артистам. В общем, не получалось у Евгении Ивановны управлять массами и так влиять на ситуацию. Была бы стервой?.. Ну не нарисовалась такой исторический вариант.

14 сентября на открытии сезона 95—96-х годов давали «Необыкновенный концерт», которому исполнялось 60 (!) лет. Вот была радость, вот было свое. А дневник Женя будет вести еще две недели, история идет к финалу.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Днем в коридоре кричал Р-в: «Да будет ли наконец общее собрание?»

...Резо приехал из Германии. Очень уставший, больной. Но сразу закрутил работу над следующим эпизодом — «Синий платочек». Пристают, когда же репетиции. Он сердится: «Мне репетиций надо три дня».

... Вчера в театре О. В. сообщила, что артисты хотят собрания и пойдут даже до забастовки после утреннего спектакля. А. Б. и В. пошли к больному Аделью. Советоваться, значит, как действовать.

...Ю. Л. последнее время не здоровается... Зимой сидел у Резо и говорил: «Мастер, маэстро»... У меня гадливое чувство.

...Вчера Резо был в хорошем настроении, говорил, что КРУ, слава Богу, разбирается в деятельности дирекции до его прихода.

...Прихожу в театр, телефоны отключены... Адель ходит и агитирует артистов, собирает подписи, чтобы состоялось собрание. Я имела с ним разговор. «Да, — говорит, — я качусь вниз. Все требуют отчета худрука».

Совковое сознание, будто можно что-то решить на собрании».

Здесь Евгения Ивановна прекратила записи. Не знаю, может быть, она ведет другой дневник, но эта часть ее жизни, прошедшая в театре куклы имени С. В. Образцова, закрыта на своей предпоследней странице.

Была еще последняя. Общее собрание.

Выступил Ю. Л., который зимой рассыпался перед «маэстро», но вдруг перестал здороваться с Женей. Сказал, что он отказывает художественному руководителю в звании культурного человека. Выступила еще одна старая актриса. Выступил профорг Женя глотала слезы.

Итог почему-то взялся подвести главный редактор журнала «Московский наблюдатель», маститый театральный критик Семеновский.

— Резо, — сказал он решительно и смело, — ты должен уйти.

— А я давно уже от вас ушел, — ответил одиноко стоявший на сцене Габриадзе.

И ушел.

Давно было подмечено Женей, что время от времени около Габриадзе возникал руководитель Санкт-Петербургского театра сатиры Словохотов. Причем появления эти загадочным образом совпадали с всплесками конфликта в образцовском театре. То есть возникал скорее всего по наводке. Он знал точно, что может вот так, не напрыгавшись, заполучить первоклассный продукт. Честь и хвала — он его получил. Уже с нового года Габриадзе начал репетиции в Питере. В начале апреля во французском Дижоне прошла премьера «Песни о Волге». Потом спектакль шел в Питере, и, наконец, десять спектаклей достались москвичам. Это был очередной вполне ожидаемый триумф Габриадзе. И Питерского театра сатиры. От театра Образцова в спектакле не было никого.

Габриадзе сейчас где-то в Европе, занят очень интересным делом, и мы скоро о нем услышим. После его ухода к нему домой пришли люди из театра и навесили инвентарные бирки на стол, стулья и все остальное, что было куплено для переехавшего жить в Москву Реваса Левановича. Актеры театра Образцова все же вышли из-за ширмы. В спектакле Марка Розовского «Глухов-шоу». Правда, на одну актерскую голову был одет сапог, на другую — большой муляж человеческой задницы. Пресса оценила все это как вполне запланированный провал.

Евгения Ивановна, Женя ушла вслед за Резо, упростила нового директора театра не задерживать ее ни на день. Она работает у выдающегося дирижера Колобова с австрийским материалом.

Она купила шезлонг, мечтает выносить его в свой двор, заросший вишневыми деревьями, и просто отдыхать.

Я спросил: «Лета ждете?» «Я жду Реваса Левановича», — ответила она.

● Нугзар МИКЕЛАДЗЕ

ОБРАЗЦОВА О ВЕРЕВОЧКАХ,

или Как куклы уволили Резо Габриадзе

В театре в это время разгорался свой внутренний конфликт и была объявлена своя внутренняя, для кого-то очень важная война. Однако эти обстоятельства представлялись Жене банальной, неоправданной и не вполне объяснимой возней в обрамлении куда более значащих событий.

В общем, она прозвала начало интриги и ясно не понимала, чего, собственно, хотел, затеявая ее, директор театра, известный хозяйственный деятель и выдающийся специалист борьбы под ковром Рафаэль Михайлович Мерабов. Вскоре к нему открыто присоединился тот самый товарищ ее товарища, профорг Мамедов. Оба, вроде бы чем-то обиженные, на многие месяцы заболотились.

Как-то в «Московском наблюдателе» Мерабов вспоминал Михаила Ивановича Царева (великого, надо сказать, театрального «людоведа и душелюбца»), с которым долго работал и у которого «было чему поучиться»: «Сам он их не ел, но очень умело отдавал на съедение труппе». Заветы «Царя» Рафаэль Михайлович постарался исполнить. И семья, оброненное им, упало в благодатную почву.

Надо заметить, что актерское состояние вообще с удовольствием приняло выражение «сукины дети» за ласковое прозвище. Соответствующее поведение, возможно, внутренне приобщая их к общим пеховым заслугам перед культурой, человечеством и роднит третьего гостя с Гамлетом. Возглавляют эту общность обычно те, чей пик какой бы ни было славы уже пройден.

Ну а если учитывать, что к тому времени стало ясно: Габриадзе — человек, к решительным действиям не способный из-за мягкий характером и

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Позвонил радостный Адель (он же профорг Адиль Мамедов, товарищ товарища Жени. — Н. М.) и сказал, что Резо снижают и что дорогой директор скоро вернется с больничного. Я что-то резко ответила, и он сказал: «Ладно, ладно, мы тебя не трогаем». В том смысле, что оставляем в стороне от интриг... Добавил: «Письмо мы написали, часто звоним в министерство». «Да, — говорю, — вы звоните и болеете, а мужик все время лепит и рисует». «Он не поставит спектакль, он цыган...» Кричу: «Откуда ты знаешь, дайте ему что-нибудь сделать!» Он: «Наш театр — музей. Пусть и остается музеем».

...В субботу пришла совершенно разбитая Образцова и говорила: «Они меня замучили! Хотят, чтобы я подписала письмо. Как частное лицо я могу заступиться за обиженного директора, но ведь это же акция».

Из осведомленных источников в Министерстве культуры Евгения Ивановна узнала, что кукольная общественность, подписавшая письмо против своего художественного руководителя, возмущена тем, что не найден пророк в своем отечестве, а взят со стороны шикарными условиями его контракта и быстрой покупкой квартиры для него. Выражались сомнения в его способности поставить наконец спектакль, да и вообще сомнения относительно его таланта, подчеркивалась несовместимость камерного кукольного жанра, в котором удалось достичь некоторых успехов данному художнику с традициями государственного по сути и эстетике театра.

(В этом была масса удовольствия: так устать Габриадзе по поводу его скульптурных мини-форм — чижика, который водку пил, и зайца, который когда-то в Псковской области заставил свернуть сумо Пушклина с дороги на Сенатскую площадь.)

«Но пасаран!» — раздавалось в театральных коридорах. «Кто не пройдет? — недоумевала Женя. — Один этот шестидесятилетний человек с уставшими глазами, который весь в клее, краске, пластине, тихо паникуя, там, в своей мастерской, одевает и раскрашивает кукол?»

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«Сегодня был сумасшедший день. Ввод, репетиции, надо было составить расписание на месяц вперед. В этой связи зашла к Резо. Он измучен, попросил написать ему заявление. Я, говорю, общаюсь теперь в театре при помощи бумаги. При этом все время рисует эскизы, мрачно говорит: «Вот самое главное для меня (рисует) — передать ощущение, что эта комната пустая». Сердце разрывается глядя на него».

Евгения Ивановна продолжала работать с актерами, хотя смотреть на этих «писателей» уже не хотелось.

Как человек сугубо непрактичный она не могла воспринять конфликт с рациональной стороны. Хотя, может быть, именно в этом права.

«Наш театр — музей» — это не просто слова. Это сформулированное внутри театра мироощущение, нечто вроде девиза. (Интересно, как бы отнесся к такому продолжению своего дела сам Сергей Владимирович, именем которого клянутся сейчас все. Хотя зна-

ет, где сценарий, роли, кто будет занят в спектакле — крайне волнительные вопросы трудовой занятости волновали коллектив. Ему же если и было кого подгонять, то только самого себя: сам себе главный сценарист, художник, мастер и режиссер.

И все же артист, как бы он ни хорохорился, всегда зависим от режиссера, и опасения его рвутся наружу. По театру пошел слух, что артисты ему не нужны вовсе, а кукол будут водить мастера, которые их делали. При всей нелепости логичных оснований слух этот лишен не был — куклы Габриадзе, как дети, которых отдают в детский сад, уже наученным самостоятельно ходить, и самолюбие артиста, без которого это сделали, начинает страдать. «Мы же высокие профессионалы, — сказал Жене один заслуженный, но настороженный и обиженный кукловод, — а этот перформанс могут делать и не артисты».

Но вот что удивительно. Невзирая ни на что Габриадзе делал спектакль, рассчитанный на этих артистов. Это видно по спектаклю, ему было очень важно, что, к примеру, Виктор Платонов похож на апостола Петра. Он говорил, вы выйдете из за ширмы. То, что немолды, украсит спектакль, это опыт жизни в ваших лицах...

Случилось то, чего так давно уже не случалось: театр выехал за рубеж в Южную Корею. К этой поездке выездная труппа готовилась ностальгически, как если б первое свидание предстояло пережить второй раз. Но гастроли оказались крайне неудачными. Сыграли несколько раз «Волшебную лампу», а

